

15 ОКТ 1985

СОВЕТСКИЙ ТАТАРИН
г. Казань

Династия Райкиных

«Значение сатиры многообразно, ее слово беспощадно разит жуликов, хапуг, взяточников, она уничтожает смехом невежество, хамство, равнодушие. И тем не менее сатирик должен иметь доброе сердце» — так считает 74-летний Аркадий Райкин, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, основатель и бессменный руководитель Государственного театра миниатюр.

Первый спектакль этого эстрадного коллектива назывался «Не проходите мимо», и вот уже 46 лет Райкин и его труппа не проходят мимо, как принято говорить, негативных явлений общественной жизни. За это время поставлено более 40 спектаклей, и год от года сатирическая муза Райкина приобретает все большую глубину и философичность.

С недавних пор на сцену Театра миниатюр выходит и сын Аркадия Райкина — Константин. Это уже династия.

ОТЕЦ

Аркадий Райкин участвует во всех спектаклях театра. Число персонажей, которых он вывел на сцену, выражается четырёхзначной цифрой. «Паганини эстрады», «Человеком с тысячью лиц», «Комическим гением» окрестила его зарубежная пресса. «Актер, сценарист, режиссер, конференсье, шансонье, танцор и имитатор, но прежде всего — Человек», — писали о Райкине чехословацкие газеты.

Актер-виртуоз показывает своих «героев» с убийственным сарказмом. Многие из них стали образами нарицательными, их словечки и выражения вошли в обиход. Популярность Райкина громадна.

Раньше актер пользовался масками — мгновенно менял внешний облик, пластику, был неумно изобретателем в средстве выразительности. С годами манера изменилась: вместо избытка красок — строгое самоограничение, выверенный аскетизм. Райкин отказался от масок, он выступает абсолютно без грима, но сила перевоплощения не уменьшилась: жест, взгляд, поворот головы — и перед зрителем новый персонаж.

Райкин любит повторять слова Гоголя о том, что «истинный сатирик — лирик в душе». Но сатира и доброта? Сочетаемы ли эти понятия? «Безусловно, — считает Райкин. — Мы добиваемся положительного результата «враждебным словом отрицания». Смех обладает не только разрушительной, но и созидательной силой, он способен и поддержать, и вдохновить».

СЫН

В детстве Константин Райкин увлекался биологией, зоологией и не помышлял об актерском поприще. Отец был доволен: «Хватит и того, что на сцене я, мама и сестра». Однако гены, видимо, оказались сильнее, и неожиданно для всех Константин поступил на актерский факультет Московского театрального училища имени Б. В. Щукина. По окончании училища он был принят в один из самых популярных столичных театров — «Современник», где за 10 лет сыграл 15 главных ролей, среди которых герои Шекспира, Достоевского, Чехова... И вдруг — снова неожиданность: он переходит в театр, которым руководит отец. Почему?

«Захотелось попробовать свои силы на «новой территории». Эстрада — тот же театр, только иная его форма. Она более демократична, разрешает импровизацию, смешение жанров, поощряет исповедальную манеру, ибо предполагает непосредственное общение с залом».

Саркастический темперамент Константина сильнее всего проявляется в монологах, — они у него публицистичны, злободневны, остры до дерзости. Отточенный жест, феноменальная пластика (впечатление, что у артиста «бескостное» тело), музыкальность, естественность — все эти качества приносят актеру все большую популярность. Он сам пишет сценки и монологи, ставит хореографические номера, занимается режиссурой... Значит ли это, что Райкин-младший встал вровень со своим знаменитым отцом?

«У меня сложное положение, — говорит Константин. — Считаю, что сын Райкина застрахован от ошибок, или же без конца сравнивают с отцом, а мое спасение — в непохожести. Отец — актер милостью божьей, он сам — целый театр. Я не копирую его манеру, она принадлежит Аркадию Райкину, ему одному. В искусстве нельзя пытаться стать вровень с кем-то, надо стараться быть лучше самого себя. Тогда, может быть, станешь лучше других. Эту, казалось бы, простую истину мне помог понять отец».

Аркадий Райкин деликатно и ненавязчиво помогает не только собственному сыну. Три года назад в театр приняли группу молодых актеров — прямо со студенческой скамьи, и они год репетировали пьесу Михаила Мишина «Лица». Этот спектакль, решенный в музыкально-танцевальной форме, посвящен серьезным проблемам. Он утверждает, что ис-

тинная ценность для человека — другой человек, и возможность понять друг друга — самая большая радость.

«Тема человеческого общения неисчерпаема, — считает Константин. — Узнать друг друга можно только трагически, проникаясь заботами и болью других, постоянно тормозя и беспокоя собственную душу».

ИХ ДУЭТ

Отец и сын Райкины заняты в спектакле «Мир дому твоему». Они играют на равных. Они понимают друг друга с полуслова и поддерживают один другого.

А начиналось все довольно плачевно. Константин с грустным юмором вспоминает: «Наше первое совместное выступление в одном концерте закончилось для меня чудовищным провалом. Я чувствовал себя студентом-первокурсником, на которого надели несгораемый шкаф. — присутствие отца меня «зажало», и я дал себе слово не участвовать более в подобных «авантюрах».

Однако жизнь — лукавый режиссер — распорядилась иначе: Константин стал «клятвопреступником», а на эстраде родился новый дуэт.

Вот они разыгрывают миниатюру «Отцы и дети». Интеллигентного, скромного папу «берет за глотку» нахрапистый сынок: «Устрой меня на теплое местечко». А вот недотепу-сына «учит жить» предприимчивый папаша... На сцене — фейерверк остроумия, блеск высочайшего профессионализма, в зале — хохот, аплодисменты. А за кулисами, в перерыве между интермедиями, оба артиста сидят молча, без тени улыбки на лицах, и глаза у них печальные. Верно говорят, что сатирики в жизни — люди грустные: чего веселиться, когда говоришь о том, что накипело?..

«Утверждала вечные человеческие ценности — благородство, честность, доброту, сатирики всегда испровергали безнравственность, ложь, подлость, — говорит Аркадий Райкин. — Чтобы уметь любить, надо научиться ненавидеть. Я говорил об этом со сцены всю жизнь. Теперь очередь за Константином».

В финале спектакля «Мир дому твоему» все участники выходят на поклон. Аркадий Райкин с доброй улыбкой подталкивает актеров к рампе, а сам остается в глубине сцены. В этом жесте, в желании самому остаться в тени — и благословение, и напутствие, и мудрость старости, передающей эстафету молодости.

Е. ЗОНИНА.